

Лицом к лицу с бедой

Когда произошла авария в Чернобыле, я работал в Ветковском районе первым секретарем райкома партии. Как человек, испытавший всю тяжесть и остроту проблем в тот период, могу сказать, что да, допускались ошибки в принятии решений по ликвидации последствий аварии, и немало, на всех уровнях власти — в Москве, Минске, Гомеле. Нам же в пострадавших районах, стоявшим лицом к лицу с бедой, приходилось только верить и выполнять эти решения, хорошие или плохие, и нести ответственность перед людьми.

Как мы могли не верить своему непосредственному партийному руководителю, первому секретарю обкома партии, кандидату в члены ЦК КПСС Камаю? Вернувшись из Москвы, на заседании бюро обкома партии он с гордостью рассказал присутствующим о том, что в Политбюро одобрен его отчет о принимаемых мерах по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в Гомельской области. И на вопрос членов Политбюро, нужна ли помощь, Алексей Степанович ответил, что мы справимся своими силами. И это неудивительно. Ведь к катастрофе никто не готовился. К тому же, насколько это было масштабно и опасно для жизни людей, а также насколько продолжительными будут последствия, видимо, никто не знал, а может быть, и не хотели знать.

Тогда, осенью 1986 года, например, к нам в район с бригадой московских врачей попутно на день заехал главный санитарный врач Минздрава СССР Книжников. На встрече с людьми он утверждал, что ничего страшного не произошло. А на вопрос, почему ветковчанам не разрешают продавать собранные в местном лесу грибы и ягоды на рынке в Киеве, поскольку они превышают допустимый уровень радиационного загрязнения по замерам украинской санстанции, господин Книжников ответил: «Все сомнительные продукты сложите мне в машину, мы в Москве это съедем». Но людей своим жестом он не убедил. Показательно было и то, что чиновники из Москвы и Минска, приезжая тогда в Ветку, в местном ресторане обедали не желая.

Я много думал и поймал себя на мысли о том, почему же, имея столько знаменитых земляков, родившихся на Ветковщине, таких, как Громыко, Бровиков, Аксенов, я должен один «разгребать» чернобыльский пепел на территории района... Может быть, они и не знают о реальном положении, в котором оказались их земляки?

В апреле 1987 года я решил поехать к Громыко, который в то время занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Он-то, наверняка, должен посочувствовать и помочь, размышлял я. Своими мыслями я поделился с Камаем. Идею мою он поддержал и посоветовал: «Ехать надо не просто так, а глубоко продумать несколько глобальных вопросов в плане оказания помощи району». Что я и сделал.

Первым делом надо было обеспечить газификацию района, которая велась уже второй год, но медленно. Вторым вопросом я поставил обеспечение хозяйств герметичной техникой. Третьим пунктом было асфальтирование дорог и улиц. Четвертым — обустройство самой Ветки. Обидно было, что десятилетиями город с интересной историей, удаленный от Гомеля всего на 18 километров, оставался «пугачевским». Пятый вопрос заключался в обеспечении жителей Ветки чистой питьевой водой, для чего необходимо было построить новую водозаборную башню со станцией второго подъема, сооружениями очистки и обезжелезивания воды. Требовалось также провести водопровод в села, так как колодцы были загрязнены радионуклидами.

Свои предложения я изложил Камаю. Он одобрил, но добавил еще один вопрос — строительство радиационного центра в Гомеле для обследования и лечения людей, пострадавших от катастрофы. Забегая вперед, скажу, что эта идея была принята Андреем Андреевичем, и проектирование центра началось сразу же после моего визита к нему. Но СССР развалился, и реализация идеи затянулась на многие годы.

Понимая, что Громыко при встрече не ограничится моей информацией о ситуации в районе, я в его родной деревне Старые

Громыки встретился с земляками, чтобы выслушать их пожелания. Так в плане разговора появился еще один пункт — о строительстве моста через реку Бесядь между деревнями Старые и Новые Громыки.

В мае 1987 года звонили из Москвы. С собой я взял Эдуарда Семеновича Ковалева, тогдашнего директора совхоза «Заречный», в состав которого входила и деревушка Старые Громыки, для того, чтобы он, если поинтересуется Андрей Андреевич своими земляками, более подробно рассказал об их жизни.

Надо сказать, что ехали мы в Москву не с пустыми руками. На Добрушском фарфоровом заво-

А на вопрос, почему ветковчанам не разрешают продавать собранные в местном лесу грибы и ягоды на рынке в Киеве, поскольку они превышают допустимый уровень радиационного загрязнения по замерам украинской санстанции, господин Книжников ответил: «Все сомнительные продукты сложите мне в машину, мы в Москве это съедем». Но людей своим жестом он не убедил.

де специально для этого случая изготовили красивую вазу с видами деревни Старые Громыки, дома, где родился Андрей Андреевич, школы, где он учился. Как оказалось, этот подарок тронул его до глубины души.

Во время встречи, которая была очень теплой, наш великий земляк подробно расспрашивал о том, что происходит на его малой родине, интересовался, чем может быть полезным, и его помощники записали все наши просьбы. Напоследок я попросил у Андрея Андреевича фотографии, экспонаты для создания музея в Старых Громыках, и пригласил его на открытие. Он пообещал выполнить мою просьбу, сказав при этом: «Мы собираемся посетить Гомельщину с Мазуровым и Зимяниным». Я понял, почему именно с этими людьми он хотел приехать. Мазуров был родом из Добрушского района, граничащего с Ветковским, а Зимянин начинал свою трудовую деятельность в Ветке учителем. Это их объединяло в обещанной поездке, которая в силу разрушительных процессов так и не состоялась.

Прощаясь, мы, как давнишние друзья, крепко расцеловались, и Андрей Андреевич пообещал поручить соответствующим органам изучить поставленные вопросы и максимально ускорить их решение.

За четыре года 12-й пятилетки по Чернобыльской программе удалось газифицировать не только районный центр, но и начать прокладку газопровода в деревни Хальч, Радуга, Новоселки, Шерстин, Присно, Даниловичи и Пыхань. В Ветке в короткие сроки построили жизненно важные объекты: мощную газовую котельную, станцию очистки и обезжелезивания воды, поликлинику, оснастив ее современным диагностическим оборудованием, банно-прачечный комбинат, телефонную станцию. В центре города провели реконструкцию Красной площади, осветив ее «пушкинскими» фонарями. Для отдыха ветковчан обустроили сквер с фонтаном, посадив экзотические деревья, привезенные из ботанического сада. Проложили тротуары и заасфальтировали улицы. В районе ко всем хозяйствам и населенным пунктам проложили асфальтированные дороги. Построили и долгожданный мост через Бесядь. Жаль, что жителям деревень Новые и Старые Громыки не пришлось больше ходить в гости друг к другу, поскольку все они были впоследствии отселены.

В 1989 году после долгих переговоров удалось решить вопрос о семидесятипроцентной доплате жителям района. Этим шагом была ликвидирована несправедливость в оплате труда и социальных выплатах пострадавшему населению Ветковщины.

Хотелось бы отметить, что мы в то время остро ощущали, что ответственного отно-

Горбачев, видя безвыходное положение, поставил-таки вопрос на открытое голосование и тут же, не считая, сказал: «Предложение не принято». Нас это возмутило. И тогда белорусская делегация встала со своих мест и, заглушив ведущего съезд Горбачева, предоставила микрофон директору школы из Хойников Юрченковой.

шения к чернобыльским проблемам в самых верхних эшелонах власти не было. В Белоруссии уже шло переселение людей в чистые районы не только с первоочередной, но и с последующей зоны отселения, а в союзном правительстве к этому относились со скептицизмом, и средств выделялось недостаточно.

Как участник XXVIII съезда КПСС, который состоялся в июле 1990 года, вспоминаю, как Горбачев не давал слова делегату от Белоруссии, который хотел обратить внимание съезда и правительства на решение чернобыльских проблем. При формировании комиссий по выработке резолюций съезда, чернобыльская проблема оставалась в стороне, словно ее и не существовало. Когда делегат из Могилевской области внес предложе-

ние о создании комиссии по выработке резолюции «О политической оценке аварии на Чернобыльской АЭС и ходе работ по ликвидации ее последствий», а также потребовал поставить вопрос на голосование, это встретило сопротивление.

Горбачев сказал: «Не надо создавать отдельную комиссию и принимать специальную резолюцию по Чернобылю. Мы лучше отразим этот вопрос в резолюции по политическому отчету ЦК КПСС вместе с вопросом по высыхающему Аральскому морю и землетрясению в Армении». Такой подход нас не устраивал. И

внут в страхе, не уверены в будущем своих детей, которые падают на уроках. Я, как учительница, это знаю не понаслышке. Мы требуем создать специальную комиссию по выработке отдельной резолюции и поставить этот вопрос на голосование». И только тогда Горбачев поставил вопрос на голосование с помощью электронной системы, и наше предложение было принято.

Возмущенные игнорированием чернобыльской проблемы, мы, делегаты от Гомельской области, высказали свой гнев первому секретарю обкома партии Граховскому, сказав ему, что если не дадут слова нашему делегату, а выступить готов был каждый, то делегация в полном составе покинет зал. И только тогда Горбачев сдался.

Выступление Юрченковой было хорошим, раскрывало суть вопроса и необходимость помощи в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в полном объеме не выполняются. Все это подрывает доверие людей к партии, государству и правительству, снижает их авторитет.

Съезд вынужден был признать неудовлетворительность и недостаточность принятых мер по ликвидации последствий аварии. Увы, тогда мы не могли предполагать, что многие усилия белорусской делегации на съезде окажутся напрасными и наши надежды будут омрачены скорым распадом Советского Союза.

Николай ГОЛУБОВСКИЙ
На снимке: момент памятной встречи Андрея ГРОМЫКО с земляками — Николаем ГОЛУБОВСКИМ (слева) и Эдуардом КОВАЛЕВЫМ (справа).

Валерий ЗЛОТНИК:

«Это было нечто большее, чем рядовое ЧП»

Я хорошо помню тот по-летнему жаркий весенний день, когда с группой специалистов из военного отдела ЦК КПБ приземлился на ЯК-40 в Гомельском аэропорту, запруженном переселенцами. Сразу на второй план отошли сплетни, которые гуляли по Минску: дескать, ничего страшного, произошла небольшая авария на Чернобыльской АЭС, последствия которой быстро ликвидируются.

Главный редактор «Сельской газеты», где я тогда работал, поручил: «Ознакомьтесь с ситуацией, но панику в репортаже не поднимай, по моим данным, обстановка в прилежащих к атомной станции белорусским районах нормальная».

Чем ближе подъезжали мы к 30-километровой зоне, тем тревожнее становилось на душе. То и дело нас обгоняли тяжелые машины с какими-то грузами, а навстречу одна за другой шли колонны грузовиков со скотом и автобусы с людьми. Самое любопытное: на гладких крышах икарусов, лазов, пазиков гроздьями висели воробьи. Было совершенно непонятно, за что они там уцепились. На полях, уже подготовленных к севу, ветер закручивал в спираль серую пыль, и эти искусственные султаны уносились куда-то за горизонт.

В откормочном совхозе «Стреличево» мы обнаружили настоящее вавилонское столпотворение. Здесь размещали первую волну переселенцев из колхоза «Правда», чьи земли вплотную подходили к территории АЭС. Председатель РАПО Владимир Дюбо познакомил нас с руководителем этого хозяйства. Тот был

немногословен. Рассказал, как 25 апреля, вокруг станции весь световой день кружил самолет-лаборатория, как потом случился «выбух», и вскоре пришла команда вывозить всю наличную живность. Но люди не хотели отдавать в чужие руки своих буренок и кабанчиков, и пришлось руководителям ходить по хатам и уговаривать их трое суток кряду. Он сильно устал, зашел домой напиться квасу, и тут изо рта, носа и даже ушей хлынула кровь. Потерял сознание, очнулся только здесь, в «Стреличеве».

Затем отправились в Брагинский район, где на медицинском пункте контроля задержали моего коллегу Николая Ермакова, перенесшего незадолго до чернобыльской трагедии тяжелую операцию на желудке. Сначала поехали в колхоз имени Калинина, потом в совхоз «Острогляды». Печальными глазами полесских

потемневших хат взирали на нас деревни Хатуча, Печи, Богуши, Дубровно, Вязок... «Вёсачкі» тонули в голубой тиши среди зеленых лугов и перелесков — прямо-таки пасторальная картина. А въедешь — на подворьях ни души. Мелькнет забытый хозяйкой платок в горошинку на паутине потемневшей лески, да у колодца томится, как пес на цепи, ведро. Бело-розовое кипенье садов казалось каким-то чахоточным. Невольно вспомнились слова механика одного из хозяйств Миши Маркова: «Войны нет, эвакуация, вот она».

На центральной усадьбе совхоза «Острогляды» было полно народа. В деревне проживало около тысячи человек, да столько же свезли для временного заселения — из окрестных. Народ устраивался у родных, знакомых, в местном общежитии. Молодого директора хозяйства Валерия Злотника в конторе не оказалось. Он уехал в семикилометровую зону, где из небольшой деревеньки Круки отселяли последних жителей.

Разминулись с ним надолго. Встретились лишь через много-много лет. Сегодня он — начальник Главгостехнадзора в Министерстве сельского хозяйства и продовольствия.

— Мне передали, что приезжал кто-то из журналистов, — возвращается в прошлое двадцатилетней давности Валерий Злотник. — Но, откровенно говоря, было не до прессы. Информации у меня было — кот наплакал. Первые 2—3 дня, как и все, пользовался слухами. Утром, 27 апреля, встречал шефов из райцентра и Гомеля. Они помогали нам вручную высаживать капусту, которой мы выращивали целых 70 гектаров, а еще огурцы, помидоры, петрушку, укроп. Хватало забот на фермах, теплицах, винзаводе. Ранняя весна радова-

ла и подгоняла: начали массовый сев, готовились к пастбищному периоду, сенокосу. Думалось, какая авария, поскорее бы они ее там, на украинском берегу Припяти, закончили. Даже и тогда, когда поступила команда на отселение в центральную усадьбу людей из отдаленных деревень, мы считали, что это ненадолго, от силы до осени. Скот перебазировать не стали, просто ездили в зону кормить его вахтовым методом. Однако уже к 1 мая поняли, на людей свалилось нечто большее, чем рядовое ЧП. Вскоре все работы пришлось свернуть, началась массовая эвакуация. Начальство убеждало: вернуться удастся через год-два. В это уже верилось с трудом, но какая-то тайная надежда в сердцах все-таки жила. Невозможно было представить, что с таким богатейшим краем придется распрощаться. Ведь земля у нас в хозяйстве считалась лучшей на Полесье. Крестьяне жили богато: свои машины имели многие. Тот, кто не владел «жигуленком» или «москвичом», считался «гультаём».

— Как вы считаете, могла ли правдивая информация о случившемся предотвратить многие ошибки?

— В самом начале правдивой информации не было, как мне кажется, ни у ЦК, ни у правительства, ни у обкомов, ни тем более у районщиков КПБ. Как только она появилась, государственная машина по ликвидации последствий аварии (тогда еще она не получила международную классификацию катастрофы), заработала в полную силу. Наша республика мобилизовала для этого все внутренние ресурсы. Москве тогда было не до нас, свое внимание она сосредоточила непосредственно на проблеме ЧАЭС, пытаясь, образно говоря, ее заглушить. Отселение людей считалось делом второстепенным: опасной для проживания определили 30-километровую крохотную зону. Однако ока-

залось, что зловещей тенью катастрофа накрыла треть территории Беларуси. Мы теперь долго, может быть, века вынуждены будем заниматься ликвидацией негативных последствий радиоактивного загрязнения территорий некогда процветающего региона. В его реанимацию Беларусь ежегодно вкладывает сотни миллионов долларов.

— Есть мнение, что люди на Полесье питались и по сей день питаются зараженными продуктами...

— Можете не продолжать. Так утверждают те, кто понятия не имеет об экологическом контроле за качеством продовольствия. 29 декабря в 1986 году я отдал, куда полагалось, печать, ключи, документы и через некоторое время возглавил в Брагине комбинат кооперативной промышленности. Наш немногочисленный коллектив выпускал хлеб, хлебобулочные изделия, овощные консервы, колбасы, безалкогольные напитки. Фактически все сырье завозилось к нам из чистых регионов и проходило по коду К-2, то есть осуществлялся двойной контроль. Причем не на глазок, не примитивными приборами, а приборами, снятыми с атомных подводных лодок. Точность их измерения не вызывает сомнения. Знаю, что и теперь контроль за качеством продовольствия не менее жесткий.

— Вернется ли, по вашему мнению, полноценная жизнь когда-нибудь в наиболее пострадавшие районы?

— Минувшей осенью я съездил в «Острогляды». Там, словно мамай прошел, полное запустение. В моем кабинете липы растут. Под окном состарился фруктовый сад. Но еще при мне в земле там нашли не только цезий и стронций, но и плутоний. Заехал в Комарин, на могилу родителей. Положил на холмик дозиметр — высоковат радиационный уровень. Так что покоятся мои старики в атомной колыбели, а вывезти останки и перезахоронить не так-то просто. Мне кажется, если бы даже разрешили ученые обратное переселение, некому особенно и возвращаться, два десятка лет прошло. Заново все строить надо. Никакая экономика не выдержит.

Николай ВАСЬКОВ, «Р»
На снимке: Валерий ЗЛОТНИК.